

ПРОСТОЧЕНЬСЛОЖНО*(дисграфия в двух актах)*

АКТ I

Сцена 1

Типичное кафе, в котором один из столиков закрыт от барной стойки перегородкой — это идеальное место для тех, кто хочет самоизолироваться в людном месте, ведь там есть даже розетка, куда можно воткнуть зарядку. По обе стороны барной стойки никого.

Звенит колокольчик, распахивается дверь, вбегает Вероника — это сублильная девушка около двадцати лет, в ней удивительным образом сочетаются нерешительность и любопытство, изящество и легкая нелепость. Она останавливается и оглядывает кафе.

ВЕРОНИКА. Не то!

Вероника уходит, хлопнув дверью и звякнув колокольчиком, но тут же возвращается с молескином и ручкой. Она подходит к барной стойке и принимает претенциозную позу, хотя стойка для нее слишком высока. Вероника фыркает, оставляет ручку и уходит.

Снова колокольчик, в третий раз появляется Вероника, с огромным блокнотом. Уткнувшись в него, она идет к барной стойке и нажимает на звонок. Никто не появляется, Вероника берет ручку, пишет в блокноте, и колокольчик начинает звенеть безостановочно.

Кафе заполняется людьми, они шумно беседуют между собой и оттесняют Веронику от стойки к столику за перегородкой. Вероника недовольно оглядывается на толпу, но усаживается за столик. Пока она зачеркивает написанное, все уходит с кофе на вынос.

Снова тишина, из посетителей одна Вероника. За барной стойкой Бариста — он молод и, конечно же, привлекателен, но и не вызывающе красив, что позволяет ему отлично вписаться в типичный интерьер кафе. Совершенно неясно, когда и откуда он взялся.

Бариста скучно протирает бокалы, Вероника продолжает писать и вдруг хихикает.

БАРИСТА. Кофе?

Вероника поднимает голову, ее рука продолжает писать в блокноте. Она выглядывает из-за перегородки и прячется назад. Вероника открывает рот, но ничего не может сказать. Она откладывает блокнот и откашливается. Бариста терпеливо ждет.

ВЕРОНИКА *(Тихо, подбирая слова)*. Черный со сливками... Взболтать, а не смешивать... Черт, не то. Еще раз. *(Встряхивает головой, шлепает себя по щекам, берет блокнот и снова пишет в нем)*.

БАРИСТА. Кофе?

ВЕРОНИКА *(Не отрываясь от блокнота)*. Спасибо, не хочу.

БАРИСТА. Тогда что ты тут делаешь?

ВЕРОНИКА. Черт, это же очевидно. Пишу книгу.

БАРИСТА. Может быть, всё-таки кофе?

ВЕРОНИКА. Всё-таки, книгу... Да, насчет кофе... Может быть, попозже?

БАРИСТА *(Через паузу)*. Прости, что отвлекаю, но может быть, тогда тебе стоит пойти писать твою книгу куда-нибудь еще? Раз кофе ты пить не собираешься.

Вероника захлопывает блокнот и оставляет его вместе с ручкой на столике, встает и направляется к барной стойке. Бариста готов принять заказ, а Вероника снова пытается эффектно облокотиться на стойку.

ВЕРОНИКА. Вообще-то я собиралась.

БАРИСТА. И что же тебе помешало?

ВЕРОНИКА. Понимаешь, я собиралась, но не очень хотела.

БАРИСТА. Думаю, не понимаю.

ВЕРОНИКА. Вообще-то я редко пью кофе. Я бы даже сказала, что я его не люблю.

Просто у меня было такое ощущение, что если я вот сейчас выпью кофе, то у меня наконец-то всё сложится...

БАРИСТА. Что именно?

ВЕРОНИКА. ...А потом я так увлеклась, и кажется, даже стало неплохо выходить, но в итоге он снова не получился. *(Локоть Вероники срывается со стойки)*. Ладно, пойду попробую еще. *(Собирается к столику, но Бариста слишком громко хлопает ладонью по стойке)*.

БАРИСТА. Кто «он»?

ВЕРОНИКА *(Насторожено)*. Главный герой.

БАРИСТА. И что с ним не так?

ВЕРОНИКА. Это сложно объяснить.

БАРИСТА. По-моему, ты даже не пытаешься.

ВЕРОНИКА. А должна?

БАРИСТА. Ну, если ты писатель, то должна.

ВЕРОНИКА *(Подскакивая к стойке и тоже громко хлопая по ней ладонью)*. Во-первых, писательница! А во-вторых, не помню, кто это сказал, но звучит так: «Рассказывая не объясняй, а объясняя не оправдывайся».

БАРИСТА. Окей. Приходя в кафе, заказывай. И можешь ничего не объяснять.

ВЕРОНИКА *(Смутившись)*. По правде сказать, с большим удовольствием я бы сейчас выпила пива.

БАРИСТА *(Демонстративно протирая кофе-машину)*. Ни в коем случае.

ВЕРОНИКА. Это еще почему?

БАРИСТА. Банально.

ВЕРОНИКА. А что не банально?

БАРИСТА. Клюквенный морс не банально.

ВЕРОНИКА *(Вяло)*. Черт, это так по-женски. *(Буквально растекается по стойке)*.

БАРИСТА *(Успевая словить Веронику за руку)*. Кофе?

ВЕРОНИКА *(Встрепенувшись)*. Да, почему бы и нет?

БАРИСТА. С этого и нужно было начинать! Какой?

ВЕРОНИКА *(Через паузу)*. Удиви меня.

БАРИСТА *(Отворачиваясь от Вероники и запуская кофе-машину)*. Так значит ты любишь рассказывать истории?

ВЕРОНИКА. Ну да. Что-то вроде того.

БАРИСТА. И о чем же твоя книга?

ВЕРОНИКА. О людях... О любви...

БАРИСТА *(Саркастично)*. Очень оригинально. А что не так с главным героем?

ВЕРОНИКА. Вообще-то, даже наоборот: с ним всё так. Он... Обычный такой парень. Я рассчитывала, что приду сюда, и он наконец придет ко мне. Было такое чувство, что это должно случиться именно здесь. После того, как выпью кофе, разумеется. Хотя мне не слишком хочется. Может, это необязательно?

БАРИСТА. То есть ты знаешь его?

ВЕРОНИКА. Я не очень уверена в этом.

БАРИСТА. В смысле?

ВЕРОНИКА. Ну, понимаешь, у каждого автора бывают такие моменты, когда он... Или она... Не вполне осознают мотивации своих героев и постоянно получается что-то не то, и...

БАРИСТА. Так вы знакомы или нет?

ВЕРОНИКА. А, ты об этом... Нет. Его не существует. Увы: «Жизнь тлен, неси красное».

БАРИСТА. Окей. И в тайне ты, конечно же, надеешься, что он материализуется оттого, что ты пишешь.

ВЕРОНИКА. Было бы неплохо. Только как я узнаю его? Важно не пропустить момент, когда он всё-таки придет... Но это не главная моя цель.

БАРИСТА. Боюсь представить, какая же главная.

ВЕРОНИКА. Как же это объяснить...

БАРИСТА (*Ставя перед Вероникой чашку с латте*). Попробуй.

ВЕРОНИКА (*Не замечая латте*). Просто... (*Как будто примериваясь к будущему звуку*) В общем, когда я пытаюсь кому-то что-то сказать, никто меня не слушает. Даже не просто не слушает, а прямо вот как будто не слышит. Как если бы меня не существовало, как если бы я была пустым местом. Ну, или со стеной общалась. И всё что я могу делать, пока они меня не слышат, — это писать. То есть я пишу, я мечтаю, что вот я напишу книгу, и все эти люди, которым я пыталась что-то сказать и которые меня не слушали, наконец-то поймут, что мой голос имеет значение. Понимаешь?

БАРИСТА (*Подвигая латте ближе к Веронике*). Твое латте.

ВЕРОНИКА (*Через паузу, отстраняясь*). Просто потрясающе!

БАРИСТА. Да понял я тебя, понял. Твой голос имеет значение, но тебя никто не слушает.

ВЕРОНИКА. Я не об этом! Из всех видов кофе сильнее всего я именно латте... Не люблю.

БАРИСТА. А ты попробуй.

Бариста выходит из-за барной стойки протереть столики. Вероника берет с блюда ложку и помещивает ею в чашке с латте. Пока Бариста перемещается от столика к столику, Вероника в задумчивости делает глоток и резко разворачивается на стуле.

ВЕРОНИКА. Что? Лаванда? Обожаю лаванду! Как ты угадал?

БАРИСТА (*Скрываясь от Вероники за перегородкой*). Ну я же бариста, мне положено знать о таких вещах. (*Вероника делает еще глоток, а Бариста обнаруживает ее блокнот и берет его в руки*). Расскажи мне свою историю, Вероника.

ВЕРОНИКА (*Фыркая*). Как я буду рассказывать что-то о себе незнакомому человеку?

БАРИСТА (*Беззастенчиво листая страницы блокнота*). Я не прошу рассказывать что-то. Расскажи свою историю.

ВЕРОНИКА. Стоп! Откуда ты знаешь, как меня зовут? (*Бежит к столику, но Бариста успевает положить блокнот на место и выходит из-за перегородки к Веронике*). Я спрашиваю, откуда ты знаешь, как меня зовут?

БАРИСТА (*Проникновенно*). Ну я же бариста, мне положено знать о таких вещах. Расскажи мне свою историю, Вероника.

ВЕРОНИКА (*Фыркая*). Как я буду рассказывать свою историю незнакомому человеку?

БАРИСТА. Расскажи тогда мою историю.

ВЕРОНИКА. Еще лучше! Как я могу рассказывать историю о незнакомом человеке?

БАРИСТА. Так выдумай. Ты же писатель... Ница.

ВЕРОНИКА. Слушай, я не могу вот так запросто ни на чем выдумать историю.

БАРИСТА. Окей. Через двадцать секунд сюда зайдет одноногий пират, сделает три шага, чихнет и у него изо рта вылетит челюсть. Вот тебе и история.

ВЕРОНИКА. Черт, что за чушь? И почему я должна писать о таком...

Звенит колокольчик, открывается дверь, и в кафе вваливается престарелый Пират — он ловко балансирует на одной ноге, делает три шага, которые больше походят на три прыжка, оглушительно чихает, и из его рта вылетает вставная челюсть.

ВЕРОНИКА. Чего?!

БАРИСТА. Кстати, Вероника, верни мою ручку. *(Вероника хватается за блокнот и бросается к Пирату).* Ну и кто еще кого не слушает? Ладно, так и быть. Попробуй.

Бариста останавливается в небрежной позе, опершись рукой о стену так, что попадает в выключатель. Освещение в кафе меняется, теперь горит только светильник над Вероникой и Пиратом.

Сцена 2

Вероника подходит к Пирату и озадаченно смотрит на вставную челюсть на полу.

ВЕРОНИКА. Черт, если я попробую поднять ее, выйдет настоящий конфуз.

ПИРАТ. Черт, если я попробую поднять ее, выйдет настоящий конфуз!

ВЕРОНИКА. Странно, что он не шепелявит.

ПИРАТ. Вот именно! Странно, что этот чертов пройдоха совсем не шепелявит, черт его дери!

ВЕРОНИКА. Нет-нет, я имела в виду, странно, что вы не шепелявите. Всё-таки... *(Показывает на вставную челюсть, Пират спохватывается).*

ПИРАТ *(Нарочито шепелявя и брызгая слюной)*. Странно, что этот чертов пройдоха совсем не шепелявит, черт его дери!

ВЕРОНИКА. Ну это слишком, хотелось бы... *(Щелкает пальцами, как будто в поисках правильного определения)* Не так экспрессивно что ли.

ПИРАТ *(Брызгая слюной гораздо меньше и лишь слегка присвистывая)*. Странно, что этот чертов пройдоха совсем не шепелявит, черт его дери!

ВЕРОНИКА *(Удивленно глядя на пальцы, которыми только что щелкала)*. Спасибо... Так гораздо убедительнее... И что за пройдоха?

ПИРАТ. Чертов пройдоха, черт его дери!

ВЕРОНИКА. Хорошо, хорошо. Но что за чертов пройдоха?

ПИРАТ. Черт его дери!

ВЕРОНИКА. Ах ты чертов пройдоха!

ПИРАТ. Черт его дери, тысяча чертей, черт, черт, черт!

ВЕРОНИКА. А что насчет других ругательств?

ПИРАТ. Самоцензура! Я в отставке! *(Неистово, но беззвучно ругается, балансируя на одной ноге).*

ВЕРОНИКА *(Критически оглядывая Пирата)*. Мне кажется, с двумя ногами было бы комфортнее. *(Пират отстреливает вторую ногу и начинает отплясывать)*. Нет, всё-таки с одной лучше. *(Пират зло смотрит на Веронику и пытается замаскировать вторую ногу)*. Черт его дери?

ПИРАТ. Черт, да не то слово!

БАРИСТА *(Из темноты)*. И какое же то?

ВЕРОНИКА. Надо бы записать...

Пират оставляет свои попытки спрятать непослушную ногу и со злостью подфутболивает вставную челюсть на звук голоса Бариста. Челюсть летит к столику за перегородкой, свет в кафе зажигается полностью.

Сцена 3

Пират на двух ногах ковыляет мимо Вероники и Бариста к барной стойке.

ВЕРОНИКА. Что? Пират? Обожаю пиратов! Как ты угадал?

БАРИСТА. Ну я же бариста, мне положено знать о таких вещах.

ВЕРОНИКА. Хотя ног у него всё-таки две.

БАРИСТА. Незначительная погрешность. Это Жорик, он всегда приходит в это время и каждый раз устраивает свой перформанс. У него очень чувствительное обоняние, а тут так забористо пахнет кофе. Но это его не останавливает. *(Пирату)* Привет, Жорик!

ПИРАТ *(Нажимая на барный звонок и больше не шепелявя)*. Чертов пройдоха, где ты ходишь? Мне как всегда, черт его дерит!

БАРИСТА *(Веронике шепотом)*. Про челюсть, думаю, объяснять не нужно. *(Направляется к стойке)*.

ПИРАТ. От черт! *(Подходит к Веронике и озирается в поисках своей челюсти)*.

ВЕРОНИКА. Жорик, вам помочь?

ПИРАТ. Спасибо, детка, не стоит. *(Находит челюсть и кладет ее в карман)*.

ВЕРОНИКА. Странно, что он не шепелявит.

ПИРАТ *(Внимательно глядя на Веронику)*. Она ненастоящая.

ВЕРОНИКА. Разумеется, если вы о челюсти. Ведь она вставная.

ПИРАТ *(Озадаченно)*. Черт его дерит...

Пират возвращается к стойке. Бариста ставит перед ним кучерявый коктейль. Вероника идет за перегородку и садится за свой столик, прячет блокнот, достает ноутбук и самозабвенно строчит на клавиатуре.

ПИРАТ. Ты слышал? «Разумеется, если вы о челюсти». О чем только думает, черт!

БАРИСТА. Окей. Ну это же Вероника. Кстати, Вероника, верни мою ручку. *(Вероника не отзывается)*. Вероника?

ВЕРОНИКА. М-м?

БАРИСТА. Тут на стойке лежала ручка, ты брала?

ВЕРОНИКА. Черт, что за чушь? У меня нет привычки писать ручкой. Я всегда сразу набираю текст на компьютере.

ПИРАТ. Ну это же Вероника.

БАРИСТА. Кстати, Вероника, ты забыла свое латте. *(Берет чашку Вероники и идет к ней за перегородку)*.

ВЕРОНИКА. По правде сказать, с большим удовольствием я бы сейчас выпила пива.

Вероника с вызовом смахивает со стола ручку и, оставив открытым ноутбук, подходит к барной стойке, где всё еще стоит Пират. Бариста качает головой, глядя вслед Веронике, вытывает ее латте, поднимает ручку и прячет себе в карман.

ВЕРОНИКА. Я говорю, что выпила бы пива. *(Нажимает на барный звонок)*.

ПИРАТ. Детка, я бы не советовал. *(Тожже нажимает на барный звонок)*.

ВЕРОНИКА. Это еще почему? *(Снова нажимает на звонок, а Бариста садится за ноутбук на место Вероники и начинает скроллить)*.

ПИРАТ. Писательница и пиво среди бела дня — не лучшее сочетание. Это, можно сказать, первый шаг к женскому алкоголизму, черт его дерит. К тому же, как я слышал, у тебя проблемы с главным героем, черт! *(Звонок)*.

ВЕРОНИКА. Черт, по-моему, это первый шаг к дискриминации! *(Звонок)*.

ПИРАТ. Черт, где? *(Звонок)*.

ВЕРОНИКА. Черт, во внезапном использовании феминитивов! (*Звонок*).

БАРИСТА (*Читая текст на ноутбуке*). Тут не помешал бы редактор!

Вероника рассержено бежит к Бариста, но тут звенит колокольчик, и Вероника на мгновение останавливается. В дверь вливается Редактор — пожилая дама, преисполненная чувства собственной значимости. Вероника с любопытством смотрит на Редактора.

РЕДАКТОР (*Пафосно закрывая ладонью глаза*). Опять этот ядовитый свет! Редактура требует умиротворения и мягкого освещения. (*Дефилирует к барной стойке и, нажав на звонок, становится рядом с Пиратом*). Ну?

Вероника заглядывает за перегородку, Бариста эффектно щелкает пальцами, после чего свет в кафе меняется: теперь в приглушенном сиянии видны лишь Пират, Редактор и Вероника, которая озадаченно смотрит на место, где только что сидел Бариста.

Сцена 4

Теперь Вероника разглядывает свои ладони, примериваясь к щелчку.

РЕДАКТОР. Надеюсь, что ты понимаешь, что всё, что ты пишешь — полное говно?

ВЕРОНИКА (*Не оборачиваясь*). По-моему, для редактора слишком много «что». (*Осторожно делает пробный щелчок*).

РЕДАКТОР. Надеюсь, ты понимаешь. Всё, что ты пишешь — полное говно.

ВЕРОНИКА. Минус одно что, и полная победа! (*Более смелый щелчок*).

РЕДАКТОР. Ты пишешь говно! Ты понимаешь? Очень надеюсь!

ПИРАТ. Черт, бойкая старушка!

РЕДАКТОР. Возможно, ты пишешь бойко, но говно!

ВЕРОНИКА. Идите-ка оба к черту. (*Залихватски щелкает пальцами, Пират и Редактор идут куда-то прочь*).

РЕДАКТОР (*Оборачиваясь в последний момент*). Возомнила себя великим писателем?

ВЕРОНИКА. ...Ницей. Великой. Единственной и неповторимой.

РЕДАКТОР. Может быть, еще назовешься авторкой?

ВЕРОНИКА. Хорошая идея!

РЕДАКТОР. Говно!

ПИРАТ. А она точно редактор?

ВЕРОНИКА. ...Ша!

РЕДАКТОР. Ка!

ПИРАТ. На!

ВЕРОНИКА. А это к чему?

ПИРАТ. Почему?

РЕДАКТОР. Говно! Полное!

Пират и Редактор возвращаются к Веронике, Редактор вынимает из сумочки мундштук и вставляет в него сигарету. Пират тянется через Веронику, подавая зажигалку. Вероника отбирает и зажигалку и мундштук, а потом закуривает.

ВЕРОНИКА (*Покашливая*). Интересно, если каждый раз вместо «говно» она будет говорить «какашенция»?..

РЕДАКТОР. Ну и что изменится?

ВЕРОНИКА (*Еще раз щелкает пальцами*). ...В танце! (*Пират подхватывает Редактора и они начинают кружиться в знойном танце*). Прекрасно! Мне подчиняются даже редакторы и пираты.

РЕДАКТОР. Надеюсь, что ты понимаешь, что всё, что ты пишешь — в любом случае... Полная каша?

ВЕРОНИКА. Отлично!

ПИРАТ. А по-моему, не звучит.

ВЕРОНИКА. Ну да, как-то говно — более общо что ли, универсально. Согласна, каша — полное говно.

ПИРАТ. Черт его дери!

РЕДАКТОР. Ты хоть понимаешь, что есть язык? Что есть подлинный литературный язык? Ты понимаешь, что есть чувство стиля? Что есть что, ты понимаешь? Ты вообще понимаешь, что есть понимание?

ВЕРОНИКА. Нет, но зато я знаю, что такое герменевтика фактичности!

РЕДАКТОР. Полное говно!

ВЕРОНИКА. Ты долго будешь гнуть свою линию? (*Беспрерывно щелкает пальцами*).

ПИРАТ (*Ведя Редактора в такт щелчкам Вероники*). И правда, почему бы нам не поговорить, к примеру, о подлинном смысле любви?

РЕДАКТОР. Ну и смысл?

ПИРАТ. Ты полагаешь, что это взаимоисключающие категории, любовь моя? (*Делает эффектную поддержку*).

РЕДАКТОР. Опять за свое!

ПИРАТ. Пожалуй, стоит рассказать тебе историю о злой невесте. Порой ты совсем как она. Или это она совсем как ты?

РЕДАКТОР. Она всё правильно сделала! (*Отбивается от Пирата в попытках вырваться из его объятий*).

ПИРАТ. Это чертовски обидно. И ни разу не ясно, за что она так!

РЕДАКТОР. Тебе не ясно, а вот мне очень даже ясно. И зато как действенно!

ВЕРОНИКА. Что это за сказки?

РЕДАКТОР. Да тебя к детям на пушечный выстрел подпускать нельзя!

ВЕРОНИКА. Это тут при чем? Я пишу взрослую книгу!

Редактор отнимает у Вероники мундштук, а Пират снова нажимает на барный звонок. Слышно, как коротит электричество, после чего свет зажигается, как раньше, и освещает кафе целиком.

Сцена 5

У барной стойки Пират и Редактор. Дымя мундштуком, Редактор достает стопку листов. За стойкой делает коктейли Бариста, он протягивает Редактору ручку. Рядом за стойкой, у печатной машинки, Вероника. За перегородкой ни ноутбука, ни блокнота.

ПИРАТ. Вот представь, детка, невеста кружится, а этот чертов прохода сидит в кустах...

ВЕРОНИКА (*С усилием ударяя в клавиши печатной машинки*). Разумеется, я бесконечно благодарна вам, Жорик, но не нужно, правда!

ПИРАТ. ...Сидит и плачет, ты понимаешь, черт его дери, плачет? И не просто сидит, а преет в этом своем...

ВЕРОНИКА. Ну Жорик! Тогда это будет ваша книга, а не моя.

РЕДАКТОР (*Черкая ручкой в своей стопке листов*). Милая, зря отказываетесь от совета. Вот мой внук тоже пишет книгу. Возомнил себя великим писателем, а сам двух слов

связать не может, словно дитя трехлетнее. И самое главное, еще ни разу не дал мне почитать свой четырехстраничный, как я полагаю, опус. Не доверяет! А между тем я уже пять... Сорок пять лет как не пускаю в печать эту гнусную графоманию! Это псевдолитературное унылое говно!.. Ему, как и вам, стоило бы иногда слушать взрослых людей. Людей, знающих жизнь! Впрочем нет, уверена, что он даже страницы еще не успел исписать.

ПИРАТ. Черт, бойкая старушка... Насчет трехлетних в корне не согласен, черт его дери, ну да ладно. Так вот, сидит и прееет в этом своем, как же его, ну ты знаешь... *(Вероника не обращает на него внимания и бьет в клавиши всё громче)*. Ну вот эта штука вроде пижамы, такая огромная, сплошная, с чертовым капюшоном и такими здоровенными ушами... И лапы! У него еще были такие когтистые лапы, черт его дери. И всё чертовски желтого цвета. По виду что-то среднее между цыпленком и кенгуру... И чертовой белкой, если судить по хвосту.

БАРИСТА *(Разливая коктейли для Пирата и Редактора)*. Лап у него точно не было, а когтей — тем более... Вероника, что ты делаешь?

ВЕРОНИКА. Черт, это же очевидно. Пишу книгу.

БАРИСТА. Окей. Ты выбиваешь счет.

ВЕРОНИКА. Черт, что за чушь? Это мой винтажный андервуд. Ты ведь прекрасно знаешь, что я могу писать только за ним.

БАРИСТА. Это кассовый аппарат.

Вероника дергает рычаг, с характерным звуком открывается и закрывается касса, Вероника нажимает несколько кнопок, и выезжает счет, похожий на свиток. Вероника изумленно смотрит на Бариста, он обрывает счет и передает его Пирату и Редактору.

РЕДАКТОР. Ну-ка, сколько с меня?

ПИРАТ. Что вы, я угощаю... Хм, почему семь клубничных дайкири вместо шести?

ВЕРОНИКА. На удачу!

РЕДАКТОР. Ну это же Вероника. *(Черкает даже в счете)*.

ПИРАТ. От черт, ну да ладно. Так вот, сидит и прееет в этом своем, как же его... Детка, ты точно знаешь, как называется эта чертова пижама!

Пират рассчитывается с Бариста и оставляет на стойке счет. Бариста долго и усердно комкает его, а потом выбрасывает в урну. Вероника беспокойно наблюдает за его действиями и меланхолично поворачивается к Пирату.

ВЕРОНИКА. Кигуруми.

ПИРАТ. Он самый! Кенгуруми! Но больше смахивает на здоровенную желтую белку.

ВЕРОНИКА. Нет, кигуруми.

ПИРАТ. Наверное.

ВЕРОНИКА. Точно.

ПИРАТ. Наверное точно!

РЕДАКТОР. Жорик!

ПИРАТ. Пардон, черт его дери!

ВЕРОНИКА. А почему он сидел в кустах? Дайте-ка ручку. *(Не дожидаясь согласия, отнимает у Редактора ручку)*.

ПИРАТ. Так это ведь была его девушка! Понимаешь? Черт, его девушка, но она выходила замуж за другого. А этот чертов пройдоха пришел посмотреть, как она выходит замуж. Шел с корпоратива и засел в чертовы кусты, рыдает там, потому что его девушка выходит замуж за другого парня, черт его дери. Что скажешь?

ВЕРОНИКА *(Вынимая из урны счет и записывая на нем за Пиратом)*. Кажется, это очень похоже на моего героя. А где это произошло?

ПИРАТ. В парке. У них там была чертова фотосессия или что-то вроде этого.

БАРИСТА. Вероника, твой морс! *(Пытается заменить счет на стакан с морсом).*

ВЕРОНИКА *(Увернувшись от Бариста).* И во что, вы говорите, он был одет?

ПИРАТ. Желтая пижама с ушами!

БАРИСТА. Кигуруми пикачу.

ПИРАТ. Точно! Наверное... И ведь самое паршивое, что как раз в момент, когда он засел в кусты, началась гроза, пошел чертов дождь. *(Слышно, как за окном начинает барабанить дождь, Вероника со счетом и ручкой идет за перегородку к своему привычному месту, садится там и продолжает писать).* И тут грянул гром! *(Свет в кафе отключается).* И наконец — молния!!!

Дверь распахивается, молния освещает демонический силуэт Пикачу-переростка — точнее, человека в желтой пижаме с ушами, известной как кигуруми пикачу. С каменным лицом он идет по кафе, за ним загораются свечи на столах, он садится напротив Вероники.

Сцена 6

Теперь существуют только Вероника и Пикачу. Пикачу несколько мгновений продолжает сидеть со зловецким видом, а затем со всхлипом закрывает лицо руками. Вероника протягивает руку к соседнему столику за салфетками и подает их Пикачу.

ВЕРОНИКА. Надо же... Я до последнего была не уверена, что ты всё-таки придешь. То есть, я, разумеется, надеялась, потому что я ведь пришла сюда и знала, что рано или поздно это случится, но... Значит это точно ты?

ПИКАЧУ *(Рыдая).* Да, мать твою, конечно я, кто же еще?

ВЕРОНИКА. По правде сказать, я всё еще не верю, что это ты.

ПИКАЧУ. А кто? Кто еще мог вытворить такое? Конечно, это я виноват! Один я, больше никому!

ВЕРОНИКА. Нет-нет, ты не виноват, что ты! Послушай, ты ведь сам знаешь, о чем эта книга. Там вряд ли могло получиться иначе. Я старалась, но это ты так решил. И вообще-то там совсем не было других вариантов. Разумеется, я голову свернула, чтобы всё исправить, но выходило как-то неправдоподобно, так что это было единственное решение. Но ты не виноват. Никто не виноват, слышишь? Это жизнь. *(Касаясь плеча Пикачу)* Это книга.

ПИКАЧУ *(Вскакивая с новым ударом молнии и выхватывая у Вероники счет и ручку).* Какая в жопу книга? *(Швыряет всё в урну).* Меня с работы уволили, чем я детей кормить буду? Я им день рождения обещал, у меня тройня, ты понимаешь? Тройня! Ты можешь представить, какие это расходы? Костюмированная вечеринка на день рождения для тройни! Меня жена убьет, ты понимаешь или нет? *(С очередной молнией в дверях появляются грозные силуэты жены и тройняшек Пикачу, каждый в кигуруми соответственного размера).*

ВЕРОНИКА. Чего? Стоп!

ПИКАЧУ. Куда стоп? Да ты вконец уже охренела! Ты думаешь, что ты вот так сказала «стоп», и всё, я уже буду скакать от радости как долбаный, мать твою, пикачу?

ВЕРОНИКА *(Угрожающе).* Я сказала, стоп! *(Пикачу замирает и снова испуганно закрывает лицо руками, звуки грозы постепенно стихают).* Откуда у тебя жена и дети? И почему я об этом не знаю?

Пикачу нерешительно смотрит через ладони, Вероника делает разрешающий жест.

ПИКАЧУ. Двенадцать лет счастливого, мать твою, брака! И теперь всё можно просто взять и воткнуть в жопу!

ВЕРОНИКА *(Щелкая пальцами).* Самоцензура!

ПИКАЧУ. Двенадцать лет счастливого... брака! И теперь всё можно просто взять и воткнуть в... Воткнуть... Нет, я так не могу, всё катится в бездну.

ВЕРОНИКА. Что? Какие, мать твою, двенадцать лет? Я не писала о таком! Были только мы — ты и я! Откуда, мать твою, вот это вот всё?

ПИКАЧУ (*Спокойно*). Необходимо признать, что ругаться ты совсем не умеешь.

ВЕРОНИКА. Кто ты, мать твою, вообще такой, объясни!

ПИКАЧУ (*Взяв салфетки и высморкавшись, а затем приняв крайне деловой вид*). Я юрист-консульт. Согласно Википедии, более пятидесяти процентов моего рабочего времени занимает консультирование других работников или учредителей организации по тем или иным юридическим вопросам, возникающим в связи с действиями и бездействием таких работников или учредителей организации, а также иных лиц. И сегодня за бездействие в вопросах контрдействий в связи с ранее обозначенного рода действиями... (*Торжественно, с последней молнией*) Меня уволили!

Пикачу ловко бросает комок салфеток в урну, в кафе включается электричество.

Сцена 7

Пикачу по-прежнему за столиком за перегородкой, Вероника сидит напротив него и раскладывает перед собой чистые салфетки. Бариста наливает новые коктейли Пирату и Редактору. У двери топчутся Жена Пикачу с тройняшками, все действительно в кигуруми.

ПИКАЧУ (*Рыдая*). Конечно... Это я виноват! Один я, больше никому!

ВЕРОНИКА. Хватит ныть! Карандаш у тебя есть? (*Пикачу перестает рыдать, достает из кармана кигуруми карандаш и отдает Веронике*). Спасибо. Теперь можно. (*Пишет карандашом на салфетках*).

ПИКАЧУ (*Возобновляя рыдания*). Это я виноват! Один я, больше никому!

ЖЕНА ПИКАЧУ (*Подбегая к Пикачу и обнимая его*). Нет-нет, Игорь, ты не виноват, что ты! Никто не виноват, слышишь? Это жизнь.

ВЕРОНИКА (*Продолжая писать*). Фу, черт! Это не он!

ЖЕНА ПИКАЧУ. Зато посмотри, как счастливы наши дети! (*В этот момент Пикачу-младшие подбегают к барной стойке, Бариста бросается делать для них молочные шейки*). Ты — лучший на свете отец. Да, может быть, ты потерял работу, у нас больше нет дома и другой одежды. Но ты — лучший на свете отец, и в этом мире нет ничего сильнее нашей любви!

БАРИСТА (*Неистово смешивая шейки*). Вероника, что ты сделала?

ВЕРОНИКА. А что еще я могла сделать в этой ситуации? Ты же видишь, зато все счастливы. Ну или почти все.

РЕДАКТОР (*Перемещаясь по кафе в поисках ручки*). Милая, вам не стыдно?

ВЕРОНИКА. Нет, мне очень смешно.

РЕДАКТОР. А должно быть стыдно!

ВЕРОНИКА. Ладно, мне очень смешно... И немного стыдно. Хотя, возможно, в другом пропорциональном соотношении.

БАРИСТА. Вероника, где твой блокнот?

ВЕРОНИКА. Блокнот? Зачем, интересно знать, мне блокнот?

ПИРАТ. Детка, но ты же писатель, черт его дери... Ница!

ВЕРОНИКА. Может быть, еще назовете авторкой?

РЕДАКТОР. Совсем как мой внук... Никакая ты не авторка, а полное...

БАРИСТА. Где твой блокнот, Вероника?

Вероника комкает салфетки и ломает карандаш. Все, кроме Бариста, замирают. Вероника идет к стойке и снова пытается эффектно облокотиться на нее. Бариста разливает шейки для Пикачу-младших, красиво и долго украшая их.

ВЕРОНИКА. Вот скажи, ты хоть когда-нибудь видел меня с блокнотом? Вообще-то мне вовсе не нужен блокнот, чтобы писать. Все линии моих героев, их диалоги и мельчайшие подробности их характеров, вплоть до самых сокровенных мыслей, о которых они сами даже не могут подозревать... Всё это мне достаточно держать в голове. Всё это и есть подлинное авторство. Всё это сплетается в удивительный узор, который и становится текстом. И это не просто текст, а Текст — с большой буквы «Т» с такими неестественно вывернутыми завитушками, понимаешь? А истинная, я бы даже сказала, кармическая цель этого Текста — существовать в моей голове и никогда не быть написанным, ибо что есть Текст с большой буквы «Т» с такими неестественно вывернутыми завитушками, если не идеал, который никогда не будет изложен на бумаге?

ПИКАЧУ (*Внезапно вскакивая*). Да ты вконец уже охренела! (*Тем временем Бариста торжественно вручает Пикачу-младшим молочные шейки, они вприпрыжку бегут к родителям*).

ВЕРОНИКА. А ты вообще заткнись! Ты меня разочаровал. (*По дороге к столику Пикачу-младшее №1 лягает Веронику в щиколотку и убегает за перегородку*). Ах ты маленький козел, совсем как папашка!

ПИКАЧУ-МЛАДШЕЕ №1. Во-первых, козлик! А во-вторых, не трогай батю!

ВЕРОНИКА. Долбанная малолетняя феминистка!

ПИРАТ. Детка, не расстраивайся. Ты еще встретишь его и он будет тем самым, черт его дери!

РЕДАКТОР. У моего внука была аналогичная проблема...

ВЕРОНИКА. Отвалите вы уже со своим внуком, по-моему, он полное говно.

РЕДАКТОР. Совершенно верно, милая. Хотя мне следовало бы сейчас предельно оскорбиться.

ПИКАЧУ-МЛАДШЕЕ №2. А можно мне еще молочный шейк?

ПИКАЧУ-МЛАДШЕЕ №3. И мне!

ПИКАЧУ-МЛАДШЕЕ №1. И мне, только другой?

ВЕРОНИКА. Она еще торгуется!.. Ну разумеется можно, всё равно это за мой счет. (*Щелкает пальцами и поворачивается к Бариста*) И десерт им какой-нибудь дай тоже, всё-таки у них день рождения. (*Бариста готовит еще три порции шейков и десерты для семейства Пикачу*).

РЕДАКТОР (*Брезгливо вытаскивая ручку из урны и пряча ее в сумочку*). Полное говно!.. Но! В этот день у каждого должна исполниться мечта...

ПИРАТ. И заодно склеиться попа.

ВЕРОНИКА. В мои дни рождения почему-то всегда случалось только второе, черт его дери.

ПИРАТ. Самоцензура, детка!

ВЕРОНИКА. Отстаньте, Жорик. У меня онтологический кризис.

РЕДАКТОР. Экзистенциальный!

ПИКАЧУ-МЛАДШИЕ (*В один голос*). Ну это же Вероника!

ВЕРОНИКА. Да, у меня именно онтологический кризис. Я хочу страдать и наблюдать за тем, как мир, который я так тщательно выстраивала, рухнет на глазах.

Бариста относит угощение семейству Пикачу и возвращается к барной стойке.

ПИКАЧУ. Хорошо, что у меня хотя бы остался единственный друг...

ВЕРОНИКА. Не стоит благодарности, правда. Мелочи!

ЖЕНА ПИКАЧУ. Да, он так много сделал для тебя и нашей семьи...

ВЕРОНИКА. Что? Кто много сделал? Это я много сделала! Вот ведь люди неблагодарные!

БАРИСТА. Не хочешь начать сначала?

ВЕРОНИКА. С самого начала? У меня для этого нет ни сил, ни желания.

БАРИСТА. Окей. Через двадцать секунд сюда зайдет гадалка в невообразимом тюрбане, сделает три шага и скажет, что ты отмечена знаком судьбы и заодно пророческим даром из-за вот этой микроскопической вмятинки на твоём лбу! *(Тычет пальцем в лоб Веронике).*

ВЕРОНИКА. Черт, что за чушь? У тебя вообще бывают нормальные посетители?

Колокольчик, дверь, появляется молоджавая Гадалка — в тюрбане и с хрустальным шаром. Она делает три шага, спотыкается, едва не роняя шар. Лампочки в светильниках со зловещим потрескиванием потухают, шар загорается, Гадалка замирает.

Сцена 8

Есть только Вероника и Гадалка.

ВЕРОНИКА *(Обращаясь к пустому месту, где стоял Бариста, но не замечая его отсутствия)*. Ай, опять твои фокусы. Разумеется! Это еще одна постоянная посетительница, которая заходит именно в это время. Анжела? Илона? Может быть, Стелла? *(Теперь кивая в сторону, где раньше стоял Пират и тоже не замечая, что его там нет)* Жорик, вы ее знаете? А ваша подруга? *(Гадалка стоит и заботливо полирует свой шар)*. Ну может быть, вы уже что-нибудь начнете делать? *(Возмущенно щелкая пальцами)* У меня тут, между прочим, микроскопическая вмятинка на лбу!

ГАДАЛКА *(Вдруг оборачиваясь и надвигаясь прямо на Веронiku)*. Ты! Это ты! Ты отмечена знаком судьбы, я это чувствую! И еще пророческим даром! Это случилось из-за вот этой микроскопической вмятинки на твоём лбу, которую ты получила в раннем детстве в один из своих дней рождения в эпическом падении с горшка! *(Тыча пальцем в лоб Веронике справа)* Вот тут она! *(Тыча в лоб Веронике слева)* Или вот тут? *(Очерчивая пальцем широкую окружность в области лба Веронике)* Ну в общем, где-то тут. Может быть, даже в самом центре. Но про пророческий дар — это точно.

ВЕРОНИКА *(Фыркая)*. Ну тогда докладывайте, вы Анжела, Илона или Стелла? Или может быть, Сабина?

ГАДАЛКА. Так вообще Галя. Но если хочешь, любой из вариантов подойдет.

ВЕРОНИКА. Так вообще я устала и совсем не хочу слушать какую-то цыганку!

Со вспышкой света появляется Пикачу, он сидит там же, где был раньше.

ПИКАЧУ *(Резко вставая)*. Что? Я слышу язык вражды!

ВЕРОНИКА. Что? Но это же гадалка!

ПИКАЧУ. В тебе говорит внутреннее предубеждение! Раз гадалка, так значит сразу цыганка?

ГАДАЛКА. Но я действительно цыганка в тридцать восьмом поколении!

ПИКАЧУ. Язык вражды!

ВЕРОНИКА. А разве язык вражды может быть направлен на саму себя?

ПИКАЧУ. Аналогично внутренней мизогинии, может быть всё что угодно! Надо говорить «народ рома»!

ПИРАТ *(Появляясь так же внезапно, как Пикачу, со своего места)*. Кто такой Рома?

ВЕРОНИКА. Но она сейчас одна!

ПИКАЧУ. Надо говорить «народ рома»!

ВЕРОНИКА. Как можно говорить «народ рома», если она сейчас одна?

ПИРАТ. Так кто такой Рома?

ПИКАЧУ. Очень некультурно использовать личные местоимения третьего лица в присутствии человека, особенно если это народ рома!

ВЕРОНИКА. Игорь, ты же юрисконсульт, а не долбаный филолог!

ПИКАЧУ. Как бы там ни было, но я тебя осуждаю! И вся моя семья тоже! *(Внезапно появляется всё семейство Пикачу).*

ВЕРОНИКА. Ладно, но должно же быть единственное число у народа рома?

РЕДАКТОР *(Появляясь еще более внезапно и дымя мундштуком)*. Рома и есть единственное число!

ГАДАЛКА. Только настоящий рома знает об этом!

ПИРАТ. Да кто такой Рома, черт его дерит? И как вычислить, настоящий он или нет?

ВЕРОНИКА. А она?

ПИКАЧУ-МЛАДШИЕ *(В один голос)*. Она ненастоящая!

ВЕРОНИКА. Но должна быть женская форма!

ЖЕНА ПИКАЧУ. Женской формы не существует, так же, как и у слова «пикачу».

ВЕРОНИКА. Вообще-то вы оба больше смахиваете на райчу!

ПИКАЧУ. Каждый настоящий пикачу когда-то должен эволюционировать в райчу.

ВЕРОНИКА. Да вы вконец уже охренели!

ПИРАТ. Скажите, кто такой или кто такая Рома?

ПИКАЧУ. Что вы знаете о том, как сейчас живут ромы!

РЕДАКТОР. Если рассуждать логически, то рома — это всё-таки женская форма, а мужская тогда — ром. Кстати, отличная идея. Жорик! *(Делает приказной жест Пирату, и тот берется форсировать барную стойку).*

ПИКАЧУ. Кстати, потушите сигарету, здесь дети!

РЕДАКТОР. Пошел в жопу! Я чайлд-фри! *(Через паузу)* Несмотря на внука.

ГАДАЛКА. Что? Я слышу язык вражды!

ПИРАТ. Не язык вражды, а обценную лексику!

ВЕРОНИКА. Пожалуйста, идите все в жопу! *(Все вдруг начинают наступать на Веронику так, что она оказывается спиной к тому месту, где раньше была перегородка).*

ПИРАТ. Самоцензура, детка!

РЕДАКТОР. Полное говно!

ПИКАЧУ-МЛАДШИЕ *(В один голос)*. Народ рома!

ПИРАТ. От черт, да куда же делся Рома?

ГАДАЛКА. А он настоящий?

ВЕРОНИКА. Да вы слышите или нет?

Новая вспышка света, и за перегородкой появляется Димася — с виду обычный такой парень, сидит на месте Вероники, перед ним бокал пива и ноутбук с зарядкой в розетке, на соседнем стуле рюкзак. Димася эффектно щелкает пальцами, как раньше щелкал Бариста.

В этот момент Вероника выбивает шар из рук у Гадалки, он укатывается прочь. По линии, вдоль которой катится шар, снова зажигаются светильники. Все, кроме Вероники, обнаруживают Димасю и замирают в ужасе. Вероника смотрит вслед укатившемуся шару.

Сцена 9

Все спешат прочь из кафе. Вероника не видит Димасю и идет к барной стойке.

ГАДАЛКА *(Перед уходом)*. Аура у вас здесь слишком напряженная! *(Хлопает дверью).*

ВЕРОНИКА. Фу черт! Наконец-то избавилась... Где мой блокнот? *(Шарит по барной стойке и находит блокнот)*. Так... А ручка?... *(Обходит кафе в поисках ручки)*. Черт,

кажется, потеряла... *(Заходит за перегородку и с претензией смотрит на Димасю)*. Что? Занял мое место? *(Димася не обращает на Веронику внимания)*. Ты... Признавайся, ты настоящий рома или так?

ДИМАСЯ. Меня зовут не Рома.

ВЕРОНИКА. По-моему принято представляться наоборот. *(Димася не отвечает и спокойно печатает на ноутбуке)*. Ну то есть обычно говорят не как меня не зовут, а сразу как зовут. Ну то есть как зовут говорят, а как нет — нет. Понимаешь?

Димася молчит. Вероника садится за соседний столик, листает свой блокнот, вырывает одну страницу, комкает и оборачивается на Димасю. Тот поднимает голову, но ничего не делает. Вероника фыркает и вырывает еще одну страницу, ничего не происходит.

ВЕРОНИКА *(Беспокойно)*. И долго это будет продолжаться? *(Димася смотрит на нее, но не отвечает)*. Что ты делаешь?

ДИМАСЯ *(Утыкаясь в экран)*. Черт, это же очевидно. Пишу книгу.

ВЕРОНИКА. Да ладно! *(Через паузу)* Я тоже. *(Вырывает очередную страницу)*.

ДИМАСЯ. По-моему, ты ее уничтожаешь.

ВЕРОНИКА *(Старательно комкая страницу)*. Я сейчас на стадии редактирования. *(Через паузу)* А где бариста? Ужасно хочется кофе. *(Встает и идет к барной стойке)*.

ДИМАСЯ. Ты же пива хотела.

ВЕРОНИКА *(Нажимая на барный звонок)*. Пиво — банально. К тому же от него потом бегать начинаешь, а я планирую посидеть и поработать над своей книгой.

ДИМАСЯ. И о чем же твоя книга?

ВЕРОНИКА *(Уверенно)*. О людях! О любви!

ДИМАСЯ. Черт, это так по-женски... Прямо как морс.

ВЕРОНИКА. Чего? А ты о чем-нибудь, конечно, страшно брутально пишешь! *(Опять нажимает на звонок)*.

ДИМАСЯ. Не то. Неправильный порядок слов. Еще раз.

ВЕРОНИКА. Чего? А ты, конечно, пишешь о чем-нибудь страшно брутально! *(Звонок)*.

ДИМАСЯ. Просто «о брутально». И лучше не «чего», а «что».

ВЕРОНИКА. Что?..

ДИМАСЯ *(Щелкая пальцами)*. И интонация вопросительная.

ВЕРОНИКА. А ты, конечно, пишешь о чем-нибудь брутально? *(Звонок)*.

ДИМАСЯ *(Через паузу)*. Да не особо... Так значит ты хотела кофе? *(Встает и становится за барную стойку)*.

ВЕРОНИКА. Да, я звонила бариста, но он где-то ходит.

ДИМАСЯ. Латте с лавандовым сиропом?

ВЕРОНИКА. Что? Лаванда? Обожаю лаванду! Как ты угадал?

ДИМАСЯ. Вообще-то с учетом обстоятельств мне положено знать о таких вещах.

(Запускает кофе-машину).

ВЕРОНИКА *(Насторожено наблюдая за Димасей)*. Где бариста? Ты... Что ты сделал с бариста?

ДИМАСЯ. Удалил. Мне не нравится этот персонаж, он слишком много на себя берет.

ВЕРОНИКА. Какой персонаж? Я про бариста, который тут работает.

ДИМАСЯ *(Проницательно глядя на Веронику)*. То есть ты знаешь его?

ВЕРОНИКА. Ну разумеется, это мой друг! Он всегда варит мое любимое латте с лавандой, мы перешучиваемся, а потом он угадывает, кто зайдет в кафе.

ДИМАСЯ. Наверное вот так? *(Копируя Бариста)* Через двадцать секунд сюда зайдет Пикачу-переросток, сделает три шага, развернется и уйдет, потому что он полная фигня, а не персонаж!

Звенит колокольчик, в кафе заходит Пикачу и делает три шага.

ПИКАЧУ. Я полная фигня, а не персонаж! *(Разворачивается и уходит из кафе).*

ВЕРОНИКА *(Нервно)*. Черт, да это просто совпадение!

ДИМАСЯ. Тогда скажи мне, как зовут твоего друга-бариста? *(Вероника молчит и смотрит на дверь)*. Знаешь, почему ты молчишь?

ВЕРОНИКА. Потому что я не хочу отвечать.

ДИМАСЯ. Нет. Просто ты не знаешь, что ответить.

ВЕРОНИКА. С чего это ты взял?

ДИМАСЯ. Потому что всё, что ты знаешь, придумал я.

ВЕРОНИКА. Чего?!

ДИМАСЯ. Вероника, я же говорил тебе: не «чего», а «что».

ВЕРОНИКА. Что?!

ДИМАСЯ. Просто ты ненастоящая. Тебя тоже придумал я.

ВЕРОНИКА *(Через паузу)*. По-моему, ты охренел.

ДИМАСЯ *(Устало)*. Вероника, прекрати использовать обценную лексику, тебе это не к лицу.

ВЕРОНИКА. По-моему, ты охамел.

ДИМАСЯ. Просто я пишу книгу о тебе.

ВЕРОНИКА. Что? Вообще-то это я пишу книгу. Но писать о тебе совсем не хочу.

ДИМАСЯ. Отлично! Тогда расскажи, почему ты решила написать книгу?

ВЕРОНИКА. Как же это объяснить...

ДИМАСЯ *(Ставя перед Вероникой чашку с латте)*. Попробуй.

ВЕРОНИКА *(Резко отодвигая чашку)*. Да не буду я ничего пробовать, я просто возьму и уйду отсюда! *(Идет к двери)*.

ДИМАСЯ. Не думаю, что у тебя получится.

ВЕРОНИКА *(Останавливаясь)*. С чего бы это?

ДИМАСЯ. Догадайся. Ты помнишь почему пришла сюда?

ВЕРОНИКА. Разумеется! Потому что я так решила!

ДИМАСЯ. Мне очень жаль, Вероника. Но ты пришла сюда, потому что я так придумал. И уйти ты не сможешь, пока так не решу я.

ВЕРОНИКА. А знаешь... Кажется, я тоже кое-что придумала. *(Идет за перегородку, поворачивает к себе ноутбук и скроллит)*.

ДИМАСЯ *(Делая глоток из чашки с латте)*. И что же?

ВЕРОНИКА. Да ничего особенного... Просто сейчас возьму и удалю к чертям всё, что ты тут накропал! *(Читая с экрана ноутбука)* Так что никакая я не нерешительная и не нелепая, понял?

ДИМАСЯ *(Выпрыгивая из-за барной стойки и бросаясь за перегородку)*. Ты не можешь этого сделать!

ВЕРОНИКА. Могу и еще как.

ДИМАСЯ *(Тревожно)*. Нет, не можешь. Потому что я твой автор, а ты мой персонаж. Давай сейчас просто успокоимся и поговорим.

ВЕРОНИКА. Черт, что за чушь? Даже не собираюсь ни о чем с тобой разговаривать. И кроме того я и так всегда само спокойствие! *(Заносит руку над клавиатурой)*.

ДИМАСЯ. Вероника, если ты удалишь файл, то сама исчезнешь.

ВЕРОНИКА. Да, но фокус в том, что этого боишься ты, а не я. *(Собирается нажать на клавишу, но тут раздаётся рингтон, Вероника останавливается)*.

ДИМАСЯ *(Вынимая телефон и отворачиваясь)*. Черт! Я должен ответить.

ВЕРОНИКА. Ладно, я подожду. Ведь надо видеть твое лицо в этот момент.

ДИМАСЯ. Бабушка, я не могу сейчас говорить... Нет, я очень занят, потом поговорим. Нет, я не сидел ни в каких кустах, ты ошиблась... Ты ошиблась, это был не я! Да, я одолжил пижаму Игорю, у его ребят сегодня день рождения, поэтому... Да нет же, не было никакой

свадьбы, я был на корпоративе... Бабушка, пожалуйста... Нет, не дам, потому что она еще не готова, ты опять начнешь говорить, что это полное говно и... Всё, пока. Да... И перестань, пожалуйста, называть меня Димасей, мне уже двадцать семь лет. Пока! Я сказал, пока.
(Веронике, убирая телефон в карман) Извини, она бывает просто невыносимой. Но если бы я не ответил, было бы еще хуже.

ВЕРОНИКА (Ошеломленно). Фу черт! Так это ты?

ДИМАСЯ. Я?

ВЕРОНИКА. Ты пришел... Я же знала, что дождусь тебя!

ДИМАСЯ. Что? Только не начинай! Ты всё неправильно поняла.

ВЕРОНИКА. Да нет же, всё правильно. Я узнала тебя. Это ты! Подожди... Так значит, если я удалю то, что здесь написано, то исчезнешь ты, а не я.

ДИМАСЯ. Нет, ты исчезнешь. Я останусь.

ВЕРОНИКА (Отставляя ноутбук). Ладно, я поступлю по-взрослому. Ты можешь и дальше пребывать в своих детских фантазиях, а я просто уйду. Через дверь. И всё.

ДИМАСЯ. В каких детских фантазиях? Ты мой персонаж!

ВЕРОНИКА (Забирая блокнот и направляясь к двери). Ну разумеется.

ДИМАСЯ. Ты. Мой. Персонаж.

ВЕРОНИКА (Саркастично). Да-да, я твой персонаж.

ДИМАСЯ. Ну хорошо, сейчас я тебе докажу. Учти, я сейчас нажму «делит». (Заносит руку над клавиатурой, в этот момент Вероника берется за ручку двери).

ВЕРОНИКА. Давай кто быстрее?

Колокольчик звенит и резко обрывается, одновременно с этим гаснет свет.

АКТ II

Сцена 1

То же кафе. У пустой барной стойки с мундштуком Редактор — теперь это Бабушка Димаси. Сам Димася за столиком за перегородкой, на столике открытый ноутбук с зарядкой и бокал пива, на соседнем стуле рюкзак. Димася сидит, обхватив голову руками.

БАБУШКА. Надеюсь, ты понимаешь, что ты — придурок? Димася, как ты мог взять и вот так бездарно удалить целую книгу? Кто тебе разрешал? Я же говорила: сначала показать мне, а потом можешь уничтожать что захочешь и сколько захочешь. Наконец-то у тебя появился шанс сделать в своей жизни хоть что-то серьезное, а ты... (Передразнивая) «Случайно удалил»... Ты это нарочно, чтобы расстроить меня! Теперь можешь снова взяться за эти свои детсадовские почеркушки и жить счастливо!

ДИМАСЯ. Бабушка, это не почеркушки, а реальный доход. Квесты для детских праздников сейчас в тренде. И потом, мне нравится писать для них сценарии, почему я должен отказаться от любимого дела только потому, что это не нравится тебе?

БАБУШКА (Обводя мундштуком кафе). А это тогда для чего?

ДИМАСЯ. Ты же понимаешь, что я тебя сейчас не вижу?

БАБУШКА. Ты просто не хочешь.

ДИМАСЯ (Тихо). Я просто уже не могу.

БАБУШКА (Через паузу). И долго ты планируешь там сидеть?

ДИМАСЯ. Пока не закончу книгу.

БАБУШКА. Ты хочешь сказать «пока не восстановлю»?

ДИМАСЯ. Нет, пока не закончу.

БАБУШКА. О, так ты уже взялся за новую?

ДИМАСЯ. По-моему, ты взялась за старое.

БАБУШКА. Даже не начинала! *(Нажимает на барный звонок. Димася остается сидеть)*. Я не понимаю, чего ты ждешь?

ДИМАСЯ *(Снова тихо)*. Не чего, а кого. Хотя что я объясняю? Ты всё равно никогда не слушаешь.

БАБУШКА. Димася?

ДИМАСЯ *(В полный голос)*. Перестань, пожалуйста, называть меня Димасей. Мне уже двадцать семь лет.

БАБУШКА. Как будто я не знаю!

ДИМАСЯ *(Нехотя выходя из-за перегородки и запуская кофе-машину)*. Латте с лавандовым сиропом будешь?

БАБУШКА. Что? Лаванда? Ты хоть сам когда-нибудь пробовал это свое латте с лавандовым сиропом? На вкус хуже антимоля!

ДИМАСЯ. Не знал, что ты разбираешься!

БАБУШКА. Ты хочешь отравить бабушку? Свою единственную родную бабушку!

ДИМАСЯ. У меня вроде была еще парочка приемных.

БАБУШКА. Ты не внук, а полное говно! *(Через паузу)* Кстати, почему ты сам делаешь кофе? Что ты сделал с бариста?

ДИМАСЯ. Удалил. Тоже.

БАБУШКА. Ты хочешь сказать «уволил»? Правильно, нечего нахлебников кормить! И так у тебя тут наверняка сплошные убытки. Кстати, кофе за твой счет!

ДИМАСЯ. Нет! *(Через паузу)* Я просто послал его принять новую партию сиропов. И он вроде должен был уже вернуться. *(Зовёт)* Рома, где ты ходишь?

БАБУШКА. Он что, цыган?

ДИМАСЯ. С чего вдруг?

БАБУШКА. Ну он же Рома. Значит точно цыган. Ты понимаешь, что где один — там целый табор? Скоро в твоём кафе одни цыгане будут!

ДИМАСЯ. Бабушка, мне кажется, я слышу язык вражды. Надо говорить «народ рома».

БАБУШКА. Так и знала! А еще бариста прикидывается...

ДИМАСЯ *(Ставя перед Бабушкой чашку с латте)*. Твое латте.

БАБУШКА. ...Баристой. Или баристом? Да что это за слово такое дурацкое? Есть же отличное «бармен», зачем выдумывать что-то еще? Бармен, бармена, бармену, барменом, о бармене. А тут... *(Раскатисто)* Бариста! Его даже не просклоняешь!

ДИМАСЯ. Зато оно гендерно нейтральное.

БАБУШКА. Поговори мне! *(Отхлебывая из чашки)* Ну точно антимоля!

Из глубины кафе приходит Бариста — теперь это Рома, хотя он по-прежнему работает бариста. Рома несет упаковки с сиропами и счета, на его лице очки, и он совершенно не похож на представителя народа рома. Рома ставит всё на барную стойку.

БАБУШКА. Я не могу! Цыган в очках! *(Рома удивленно смотрит на Бабушку и складывает очки в карман рубашки)*.

ДИМАСЯ. Не обращай внимания.

РОМА. Окей.

БАБУШКА. Камон! Есть столько прекрасных слов в родном языке, но нужно обязательно сказать вот это бездарное «окей»! А ведь какие возможности: «хорошо», «ладно», «понял», «так точно», «слушаюсь и повинуюсь», «я так больше не буду»! Но нет! Он говорит «окей»!

ДИМАСЯ *(Безразлично)*. Ну он же цыган. *(Рома с вызовом смотрит на Димасю)*. Надо работать.

Димася идет к своему столику за перегородку и принимается печатать. Рома лениво становится за барную стойку и начинает распаковывать сиропы. Бабушка делает еще глоток из чашки с латте.

БАБУШКА. Нет, это никуда не годится! Нужно запить! *(Нажимает на барный звонок).*

ДИМАСЯ. Рома, не наливать ей за наш счет!

БАБУШКА. Ну тогда заесть!

ДИМАСЯ. Ладно, угости ее нашим новым десертом. *(Рома ставит перед Бабушкой мороженое, она опасливо присматривается к десерту).*

БАБУШКА. Что за морозная говнятина? *(Рома слишком громко хлопает ладонью по стойке и уходит туда, откуда пришел).*

ДИМАСЯ *(Не отрываясь от ноутбука)*. Это базиликовое мороженое.

БАБУШКА. А по виду говнятина!

ДИМАСЯ. Бабушка, ты же доктор филологических наук!

БАБУШКА *(Ласково)*. Пошел в жопу! *(Через паузу)* Поздновато уже. Ты скоро планируешь домой?

ДИМАСЯ. Нет. Но если я пойду домой, то к себе, а не к тебе.

БАБУШКА. Не хаи бабушке!

ДИМАСЯ *(Продолжая печатать)*. Ты не могла бы сосредоточить свое внимание на ком-нибудь кроме меня?

Звенит колокольчик, открывается дверь и в кафе вваливается Пират — теперь это Жорик. Он делает три шага и оглушительно чихает, но из его рта никакая вставная челюсть не вылетает. Жорик вскидывает голову и страстно смотрит на Бабушку.

БАБУШКА. О нет! Я в уборную!

Бабушка гордо удаляется.

Сцена 2

Димася по-прежнему печатает, а Жорик печально вздыхает.

ЖОРИК. Опять ускользнула! И как изящно. *(Направляется к пустой барной стойке и нажимает на барный звонок)*. Чертов пройдоха, где ты ходишь?

ДИМАСЯ *(Оставаясь за перегородкой и не отрываясь от ноутбука)*. Привет, Жорик! Снова в образе?

ЖОРИК. Привет, детка! Снова прячешься от бабули?

ДИМАСЯ. Я работаю. Как твой временный мост?

ЖОРИК. Можешь меня поздравить, утром наконец поставили постоянный протез, черт его дер! Фокус с выплюнутой челюстью больше не повторится!

ДИМАСЯ. Зато детям сколько радости!

ЖОРИК. Да уж, вышло оригинально! Но теперь это в прошлом. И скакать на одной ноге ты меня тоже больше не заставишь! Сколько бы ты мне ни платил. Всё-таки возраст уже не тот... *(Снова нажимает на звонок)* От черт, да куда же делся Рома? *(Приходит Рома и претенциозно опирается обеими руками о барную стойку)*. Мне как всегда. *(Рома надевает очки и вопрошающе смотрит на Жорика)*. Воды просто налей, мне же сейчас снова детей веселить, совсем запыхался. Кто вообще придумал эти детские праздники по ночам?

ДИМАСЯ. Родители с плотным рабочим графиком.

ЖОРИК. Но ведь всегда можно отправить дедушек и бабушек.

ДИМАСЯ. Вот не скажи!

Рома агрессивно откупоривает бутылку с минералкой и наливает в стакан Жорику.

ЖОРИК. Да что с тобой сегодня не так?

ДИМАСЯ. Обижается, что он не настоящий рома.

ЖОРИК. И как вычислить, настоящий он или нет?

ДИМАСЯ. Спроси у моей бабушки.

ЖОРИК. Кстати... *(Рома снова уходит, а Жорик со стаканом идет за перегородку к Димасе)*. Думал произвести на нее хорошее впечатление, начал говорить о разном... Вот о герменевтике фактичности, например... А она сказала, что это... *(Расстроено)* Полное говно.

ДИМАСЯ *(Не поворачивая головы)*. Ну она же филолог, а не философ.

ЖОРИК. Думаешь, дело в этом?

ДИМАСЯ. Ну разумеется. Не переживай.

ЖОРИК *(Через паузу)*. А что твоя Вероника? Пришла?

ДИМАСЯ. Лучше не спрашивай.

ЖОРИК. Что, не нашли общий язык? А знаешь, может взять и послать ее к чертям? Что скажешь?

ДИМАСЯ *(Откидываясь на спинку стула)*. Я так и сделал.

ЖОРИК. Вот и правильно, детка!

ДИМАСЯ. Я ее обидел.

ЖОРИК. Как это возможно?

ДИМАСЯ. Вел себя как последний... *(Отмахивается)*. Она такая хорошая, такая живая, а я...

ЖОРИК. Детка, она ненастоящая. Ты ведь понимаешь это? *(Подсаживается к Димасе на свободный стул и тут же вскакивает, поднимая с сидения блокнот, похожий на тот, который был у Вероники)*.

ДИМАСЯ *(Уставившись на блокнот)*. Кажется, она первое настоящее в моей жизни.

ЖОРИК. И что, уже ничего не исправить?

ДИМАСЯ *(Забирая блокнот у Жорика)*. Я пытаюсь.

ЖОРИК *(Глядя на часы)*. Нужно спешить, черт его дер! Еще не всё потеряно...

ДИМАСЯ *(Задумчиво листая блокнот)*. Так значит дело во времени? Не пропустить момент?

ЖОРИК *(Торопясь к двери)*. Дело в твоей мотивации! Пиши дальше, детка. Просто пиши дальше и всё получится. Потому что ты — нормальный мужик, который просто берет и делает свое дело. *(Допивает воду)*. Хочешь знать, откуда я это знаю, черт его дер! Потому что я тоже нормальный мужик, который просто берет и делает свое дело. Мы с тобой оба — нормальные мужики, которые просто берут и делают свое дело. Поэтому у нас с тобой отличный тандем! Ты пишешь сценарии, я веселю детей. Но все сценарии уже написаны, так что сейчас пиши книгу, а я пошел веселить детей и их чертовых родителей! *(Победно ставит стакан на стойку)*.

Жорик уже подходит к двери, но тут же возвращается к Димасе, по-отечески треплет его по голове и снова бодро шагает к двери. Димася мгновение сидит в растерянности, а затем начинает строчить на клавиатуре, глядя в блокнот.

ЖОРИК. Именно так, черт его дер! Всё обязательно получится, детка!

Жорик уходит из кафе, весело звякнув колокольчиком.

Сцена 3

Бабушка с дымящимся мундитуком в руке крадется из глубины кафе к Димасе.

БАБУШКА. Наконец-то свалил. Я уже утомилась отсиживать в этом лавандовом дурмане. Совсем с ума посходили, даже в туалет антимошь подсыпают!

ДИМАСЯ (*Продолжая печатать*). Бабушка, это заправка для очистителя воздуха.

БАБУШКА. Уверена, ты это нарочно.

ДИМАСЯ. Да, чтобы расстроить тебя.

БАБУШКА. Ну хорошо. Просто скажи мне. Была там хоть одна стоящая... Строчка? (*Решительно ставит свободный стул возле Димаси и садится, заглядывая к нему в экран*).

ДИМАСЯ (*Обнаруживая Бабушку на стуле рядом с собой и захлопывая ноутбук*).

Ну... Пару мест были просто гениальны. А еще пару — очень гениальны.

БАБУШКА. Димася, сколько раз повторять тебе? Может быть либо «плохо», либо «неплохо». И в крайнем случае «очень неплохо»!

ДИМАСЯ. По-моему, после «неплохо» должно идти «хорошо».

БАБУШКА. В твоей ситуации оценочная шкала заканчивается на «очень неплохо».

ДИМАСЯ. А Жорик сказал, что у меня получается очень хорошо.

БАБУШКА. Что? Жорик? Ты показывал свою книгу Жорику, а от бабушки утаил?

ДИМАСЯ. Да. Потому что я доверяю его вкусу. Всё-таки он столько лет проработал философом. Неважно, что теперь он в отставке.

БАБУШКА. Ты просто боишься здоровой критики.

ДИМАСЯ. Нет, просто я хочу услышать независимое мнение.

БАБУШКА. Независимое?

Звенит колокольчик, в дверях появляется Жорик, но Бабушка и Димася не видят его.

ЖОРИК (*Тихо*). Черт, забыл расплатиться!

БАБУШКА. Да твой Жорик врет как нанятый!

Жорик растеряно замирает, повернув голову на голос Бабушки, которая не подозревает, что он вернулся. В следующий же момент Жорик с хлопком кладет на барную стойку деньги и уходит из кафе, хлопнув и дверь тоже.

ДИМАСЯ (*Вскакивая*). Жорик? (*Бабушке*) Тебе не стыдно?

БАБУШКА. Не хами бабушке, Димася! И вообще, почему в твоём кафе нет ни одной пепельницы?

ДИМАСЯ. Потому что это табакко-фри кафе. Сюда можно приходить с детьми в любое время суток и кормить их эко-десертами.

БАБУШКА. Еще скажи «веганскими»!

ДИМАСЯ. Нет, не веганскими, но я подумаю об этом, спасибо. (*Садится на свой стул, снова открывает ноутбук и пытается отгородиться им от Бабушки*).

Бабушка встает, идет за барную стойку, берет себе блюдо и возвращается.

БАБУШКА (*Стряхивая пепел в блюдо*). Это всё дурное влияние Игоря. Весь этот детский сад, который ты устраиваешь.

ДИМАСЯ. При чем тут Игорь?

БАБУШКА. А кто еще? После того, как она тебя бросила, ты стал слишком много общаться не с кем-нибудь, а именно с Игорем и с его семьей. Отсюда все эти детские квесты, детские кафе, и ни одной нормальной пепельницы для бабушки!

ДИМАСЯ. Но я занимаюсь детскими квестами всю свою жизнь.

БАБУШКА. Все двадцать семь лет? И ради чего?

ДИМАСЯ. Да просто потому что это весело!

БАБУШКА. А кафе?

ДИМАСЯ *(Снова вскакивая)*. А что, по-твоему, нельзя заниматься и тем и другим вместе? *(Начинает нервно ходить по кафе, Бабушка придвигает к себе ноутбук и быстро скроллит, пока Димася не видит)*. Я считаю, что у каждого ребенка должно быть счастливое детство, и я стараюсь предусмотреть все виды баловства, из которого это счастливое детство может состоять. У детей должна быть беззаботная жизнь как у... Как у пиратов! У них должны быть приключения, море смеха и всякие вкусняшки...

БАБУШКА *(Отодвигая ноутбук и беря в руки блокнот)*. У тебя извращенное представление о жизни пиратов.

ДИМАСЯ *(Не слушая)*. ...Потому что так правильно! Именно это у них должно быть, а не бесконечная зубрежка словарных слов и исключений!.. Кстати! Надо узнать насчет батутов.

БАБУШКА *(Листая блокнот и вынимая из сумочки ручку)*. Да тебя к детям на пушечный выстрел подпускать нельзя!

ДИМАСЯ *(Резко останавливаясь и поворачиваясь к Бабушке)*. Это еще почему?

БАБУШКА *(Черкая в блокноте)*. Димася, ты наживаешься на мягкотелости их родителей!

ДИМАСЯ. Пошла в жопу. *(С аплодисментами из глубины кафе выбегает Рома)*.

БАБУШКА *(Не шелохнувшись)*. И не подумаю.

Димася подходит к Бабушке, отнимает у нее блокнот и прячет его в рюкзак.

ДИМАСЯ. Тогда собирайся и уходи из моего кафе. *(Рома вынимает из-за барной стойки хлопушку и взрывает ее)*.

БАБУШКА *(Откладывая ручку)*. Не хами бабушке!

ДИМАСЯ. Пожалуйста, иди домой. Мне нужно писать книгу.

БАБУШКА *(С достоинством вставая)*. Хорошо же. Я уйду. Но когда тебя снова кто-нибудь бросит, не звони мне и не проси о помощи!

ДИМАСЯ. Бабушка, ты сама мне тогда позвонила.

БАБУШКА. Ага! Вот ты и признался! Значит это всё-таки ты сидел в кустах и рыдал в своей идиотской пижаме?

ДИМАСЯ. По-моему, мы договорились больше не обсуждать это.

БАБУШКА. Ну-ну... *(Выходя из-за перегородки и шествуя мимо барной стойки)* Я знаю! Ты это нарочно... *(Рома берет новую хлопушку, Бабушка у него отнимает ее и втыкает в растаявшее мороженое)*. Бездарное говно!

Бабушка уходит из кафе, хлопнув дверью еще громче, чем Жорик.

Сцена 4

Димася опускается на свой стул и сидит с отсутствующим видом. Рома подходит к нему, забирает блюдце-пепельницу и понимающе похлопывает Димасю по плечу, но тот не обращает внимания. Рома также забирает бокал с пивом и снова уходит.

ДИМАСЯ. Как у тебя только получается ей противостоять? Это даже забавно, что ты легко делаешь то, что никогда не мог сделать я. *(Закрывая лицо руками)* Мне так не хватает тебя, Вероника. Прости меня, пожалуйста. *(Сидит так какое-то время, а потом отнимает руки от лица)*. Не пропустить момент! *(Придвигает к себе ноутбук и нажимает несколько клавиш)*. Еще не всё потеряно... *(Печатает всё быстрее)*. Нужно спешить, чтобы не

пропустить момент, когда ты придешь! Снова... *(Начинает одобрительно кивать и тихо смеяться)*. Я дождусь тебя.

Звенит колокольчик, распахивается дверь. Димася замирает над ноутбуком, а затем резко разворачивается на стуле, с надеждой выглядывая из-за перегородки. Но в кафе заходит Гадалка в невообразимом тюрбане — теперь это Галя.

ГАЛЯ. Это я!

ДИМАСЯ. Черт. *(Прячется назад за перегородку)*.

Галя идет к Димасе, он делает вид, что поглощен работой. Галя становится перед Димасей и пытается привлечь его внимание. Димася упорно печатает. Галя вплотную подходит к столику, опирается на него локтями и завораживающе смотрит на Димасю.

ГАЛЯ. Что ты делаешь?

ДИМАСЯ. Черт, это же очевидно. Пишу Веронику.

ГАЛЯ. Может быть, всё-таки книгу?

ДИМАСЯ. Всё-таки, Веронику... Да, насчет счетов... Они у Ромы.

ГАЛЯ. Кто такая Вероника?

ДИМАСЯ. Рома! Принеси Гале счета, пожалуйста. Сейчас Рома принесет.

ГАЛЯ. Зачем мне Рома, если есть ты?

ДИМАСЯ. Где?

ГАЛЯ. У меня.

ДИМАСЯ. По-моему, это утверждение ложно.

ГАЛЯ. Это судьба!

ДИМАСЯ. Я ни разу не верю в судьбу.

ГАЛЯ. Так кто такая Вероника? *(Пытается оттеснить Димасю и заглянуть в ноутбук, совсем как Бабушка)*.

ДИМАСЯ *(Захлопывает ноутбук перед ее носом еще более дерзко, чем перед Бабушкой)*. Галя, мы не можем быть вместе.

ГАЛЯ. Почему?

ДИМАСЯ. Потому что мы работаем вместе.

ГАЛЯ. Это не аргумент. *(Расставляет вокруг Димаси амулеты)*.

ДИМАСЯ *(Прижимая к груди ноутбук)*. Галя, мы не можем быть вместе.

ГАЛЯ. Почему?

ДИМАСЯ. Потому что я мудака и не достоин тебя!

ГАЛЯ. Это тоже не аргумент. И потом, ты к себе несправедлив. *(Зажигает ароматические свечи)*.

ДИМАСЯ *(Давясь кашлем)*. Галя, смирись, мы не можем быть вместе.

ГАЛЯ. Послушай, я всё понимаю насчет этих дел с твоей бывшей девушкой. Конечно тебе нужно время и всё такое. Но ты должен знать, что я буду ждать столько, сколько потребуется. Ведь это судьба! Ты! Ты отмечен знаком судьбы, я это чувствую. Поэтому мы предназначены друг другу, это я проверяла! Насчет судьбы — это точно. И твоя книга совсем не помеха. Пиши сколько захочется, я всё пойму и приму. *(Отнимает у Димаси ноутбук и кладет его на соседний столик)*.

ДИМАСЯ *(Отчаянно)*. Рома! Чертов пройдоха, где ты ходишь, черт его дери! *(Прибегает Рома с целой папкой счетов)*. Рома, кажется, тебе пора получить зарплату за этот месяц. Спроси у Гали. *(Рома смотрит на Галю)*.

ГАЛЯ *(Выхватывая у Ромы счета и направляясь к двери)*. Потом, всё потом! Аура у вас здесь слишком напряженная. Совсем невозможно комфортно работать, так что поеду к себе. Потом позвоню, пока-пока! Помни о знаке судьбы!

ДИМАСЯ. Галя, тебе нужен кто-то другой. *(Тихо)* А мне нужна Вероника. *(Задувает свечи, Рома приносит урну и сгребает в нее все эзотерические артефакты Гали).*

Галя сталкивается в дверях с Игорем — он очень похож на Пикачу-переростка, но теперь на нем обычная одежда, в руках он держит большой пакет. Галя окидывает Игоря оценивающим взглядом.

ГАЛЯ *(Игриво)*. Доброй ночи, незнакомец!

Галя уходит из кафе.

Сцена 5

Игорь смотрит вслед Гале.

ИГОРЬ. Галя вконец уже охренела. Не узнала что ли? На одной площадке живем.

Димася встает и выходит из-за перегородки к Игорю.

ИГОРЬ *(Вынимая из пакета кигуруми и протягивая Димасе)*. Вот, зашел вернуть. Ребята в восторге, спасибо. Не знаю даже, как тебя благодарить.

ДИМАСЯ. Не стоит благодарности, правда. Мелочи!

ИГОРЬ. Нет, правда, чувак. Спасибо тебе. Не представляю, что бы я делал, если не ты.

Игорь начинает рыдать и утыкается лицом в кигуруми. Димася подходит к нему, берет кигуруми и обнимает друга. Рыдая в его объятиях Игорь складывает пакет и кладет себе в карман. Глядя на них, Рома тоже хочет рыдать, Димася протягивает ему кигуруми.

ДИМАСЯ. На, брось куда-нибудь. И можешь идти домой, на сегодня хватит, я закрою. *(Рома уносит кигуруми, Димася ведет Игоря к барной стойке)*. Пиво будешь?

ИГОРЬ. Нет, я за рулем. Может, морс есть?

ДИМАСЯ *(Озадаченно)*. Клюквенный.

ИГОРЬ. Давай! Обожаю!

ДИМАСЯ *(Наливая Игорю морс)*. Какие новости с работой?

ИГОРЬ. Да пока никаких. Разослал резюме в пару мест, как ты говорил, вот жду теперь... Еще прокручиваю иногда в голове, как всё произошло, пытаюсь понять... Это я виноват! Один я, больше никому!

ДИМАСЯ. Игорь, да не виноват ты! Это жизнь, так бывает. Ну уволили и уволили. Найдешь работу в другом месте, юристконсульты везде нужны.

ИГОРЬ. Но не после увольнения!

ДИМАСЯ. Игорь, смотри на меня. Смотри! Всё обязательно получится. И знаешь почему? Потому что ты — нормальный мужик, который просто берет и делает свое дело. Понял?

ИГОРЬ. Да, но этому нормальному мужику нечем кормить жену и троих детей.

ДИМАСЯ. Давай я одолжу тебе денег.

ИГОРЬ. Да ну, я еще те не отдал.

ДИМАСЯ. Так ты что ли своих голодом морить собираешься? Пока новую работу не найдешь? *(Вынимает из кармана портмоне и безапелляционно дает Игорю деньги)*.

ИГОРЬ *(Складывая деньги в карман)*. Хорошо, что у меня хотя бы остался единственный друг! *(Через паузу, спохватываясь)*. Ну а сам как?.. Не надумал еще жениться?

ДИМАСЯ. Я вообще не собираюсь жениться.

ИГОРЬ. Вообще?

ДИМАСЯ. Вообще пока.

ИГОРЬ. Уверен?

ДИМАСЯ. Зачем?

ИГОРЬ (*Просветленно*). Но, чувак, ведь семья — это такое счастье!

ДИМАСЯ (*Через паузу, с сомнением*). Точно?

ИГОРЬ. Ну конечно! Вот посмотри на моих, у нас всё так слаженно, так хорошо. Мы же с женой как один мозг на двоих, всегда в одну сторону и думаем и дышим! Это же только мечтать о таком можно. И ребята — это такая радость, столько счастья, а у меня тройное счастье! Нет! Даже четверное, если вместе с женой. Нет, правда, это исключительное счастье. Приходишь домой, а тебя там ждут, спрашивают, как ты себя чувствуешь, почему грустный, где зарплата, когда ты на работу наконец устроишься, мать твою! И эти маленькие твари, целых три штуки, бесконечно гадят и орут, вот взял бы просто и... И... (*Беспомощно закрывает лицо руками*).

ДИМАСЯ. Еще морса?

ИГОРЬ. Давай. (*Димася наливает Игорю еще морса, тот залпом опустошает стакан и пристально смотрит на Димасю, он снова наливает морс*). Слушай, ну может уже хватит?

ДИМАСЯ. Не надо больше?

ИГОРЬ. Я же говорю, хватит... Да не парься ты, чувак. (*Димася в замешательстве зависает перед Игорем с кувшином морса в руках*). Ну я же вижу, как ты переживаешь. Может, уже пора забыть об этом? Ведь ты сам знаешь, что с ней было не так.

ДИМАСЯ. Ну почему было? С ней и сейчас никак не получается.

ИГОРЬ. Так и не нужно! Тем более сейчас. Нет, правда, вспомни! Она постоянно диктовала тебе свои условия, какие-то непонятные претензии предъявляла. Вот я как юрист тебе говорю, она нарушала твои права!

ДИМАСЯ. Да ну, перестань. Разве что авторские.

ИГОРЬ. При чем тут авторские? Я о человеческих правах говорю!

ДИМАСЯ. Она больше не вернется в мою жизнь.

ИГОРЬ. Естественно! И хорошо! Подумаешь: замуж вышла. Это жизнь, так бывает. А вот тебе пора уже найти кого-нибудь другого...

ДИМАСЯ. Стоп. Кто вышел замуж?

ИГОРЬ. Ну... Твоя бывшая.

ДИМАСЯ (*Яростно*). Что?! Да кому она вообще сейчас интересна?!

ИГОРЬ. Тише-тише, это стресс выходит! Я всё понимаю.

ДИМАСЯ. Да я даже рад, что она меня бросила! У меня столько времени высвободилось! Я книгу наконец писать начал!

ИГОРЬ. Слушай, я ведь твой друг, ты можешь говорить со мной предельно честно.

ДИМАСЯ. Игорь, дело вообще не в ней!

ИГОРЬ. А в ком тогда?

ДИМАСЯ. В Веронике, конечно!

ИГОРЬ. Так ты сидишь здесь из-за Вероники?

ДИМАСЯ. А из-за кого еще?

ИГОРЬ. Ну, не знаю, может из-за Гали?

ДИМАСЯ. Галя — гадалка.

ИГОРЬ. Галя — бухгалтер!

ДИМАСЯ. Она слишком реальная.

ИГОРЬ. Нельзя бесконечно жить в фантазиях. Не обижайся, чувак, но это как-то не повзрослому.

К дверям кафе идет Рома, сменивший форму бариста на повседневную одежду.

ДИМАСЯ. Нет, Игорь, всё как раз наоборот. Как же это объяснить? Просто... *(Как будто примериваясь к будущему звуку)*. В общем, с Вероникой я могу быть собой, понимаешь? Она такая веселая, такая милая, открытая, добрая, отзывчивая... С ней я чувствую себя свободным. Чувствовал... Да что я вру? Я ведь даже завидовал ее легкости. Я сам хотел быть как она!

ИГОРЬ. В смысле девушкой?

Рома останавливается и с любопытством смотрит на Димасю.

ДИМАСЯ. Да вы вконец уже охренели!

Рома пожимает плечами и уходит из кафе.

ИГОРЬ *(Осторожно)*. Так ты хочешь быть Вероникой?

ДИМАСЯ. Я хочу быть таким же как Вероника в смысле ощущения себя в мире и мира во мне.

ИГОРЬ. Ну точно. Хочет быть девушкой. *(Димася угрюмо смотрит на Игоря)*. А-а-а! Я понял! Ты хочешь быть милым? Чувак, дай я тебя обниму! *(Обнимает Димасю через стойку)*. Ты знаешь, когда ты одалживаешь мне денег — это всегда очень мило, правда! Смотри на меня. Всё обязательно получится. И знаешь почему?

ДИМАСЯ. Потому что я нормальный мужик, который просто берет и делает свое дело?

ИГОРЬ. Потому что ты просто очень милый чувак! Прямо очень-очень! Милее всей моей тройни вместе взятой! Я бы даже усыновил тебя, но жена будет против.

ДИМАСЯ *(Сердечно)*. Вот и проваливай к своей милой жене и всей милой тройне!

ИГОРЬ *(Отпуская Димасю)*. Уже!

ДИМАСЯ. Лиле привет.

ИГОРЬ. Алле.

ДИМАСЯ. Я так и сказал.

ИГОРЬ *(Через паузу)*. Слушай, уже поздно, может ты тоже будешь собираться? Я подброшу.

ДИМАСЯ. Спасибо, но я всё-таки еще немного посижу над книгой.

Игорь кивает, дружески хлопает Димасю по спине и уходит из кафе.

Сцена 6

Димася распаковывает сиропы, которые так и стоят на барной стойке, убирает посуду и прячет в кассу деньги, оставленные Жориком. Касса открывается и закрывается с характерным звуком. Димася тоскливо нажимает на ней кнопки, выезжает счет.

Димася обходит барную стойку и становится возле нее, пытаясь повторять жесты Вероники. Помедлив, он встряхивает головой, тушит свет так, чтобы освещалось только пространство за перегородкой, берет свой ноутбук и садится с ним за свой столик.

Работа не идет, Димася достает из рюкзака блокнот, снова листает его и бросает на столик. Димася подпирает кулаком щеку и закрывает глаза. Вдруг звякает колокольчик, но дверь не открывается. Кто-то ходит вдоль барной стойки, включается кофе-машина.

ВЕРОНИКА *(Из темноты, тихо)*. Черт! *(Димася открывает глаза и выглядывает из-за перегородки, Вероника выходит из темноты)*. Да я это, я! Кому еще придет в голову идти сюда на ночь глядя? Латте будешь? *(Димася вскакивает с места, Вероника подходит к нему с двумя чашками в руках)*. Что ты так смотришь? Разве были другие варианты? *(Дает одну чашку Димасе, и делает глоток из второй)*. Между прочим, ты не в курсе, почему латте —

оно, если кофе — он?.. Знаю! Просто латте — гендерно-нейтрально. Разумеется, можно было бы проконсультироваться с твоей бабушкой, но ее лучше ни о чем не спрашивать. Хотя, по моему, она просто за тебя волнуется. Пускай и в изощренной форме... О чем пишешь? *(Димася молчит и безотрывно смотрит на Веронику)*. Ладно, я и так знаю, что обо мне. Но ты ведь понимаешь, что я пришла сюда совсем по другой причине? Просто у меня было такое ощущение, что если я вот сейчас приду сюда и выпью кофе, то ко мне обязательно придет мой главный герой... *(Димася делает движение, как будто хочет наконец что-то сказать, но Вероника не дает ему этого сделать)*. Имей в виду, что ревновать тут вовсе нечего. И зря ты удалил бариста, он был очень даже ничего. Но я бы ни за что не променяла тебя на него.

ДИМАСЯ *(Ставя чашку на столик)*. Ты опять?

ВЕРОНИКА. Разумеется. Ведь это ты!

ДИМАСЯ *(Осторожно беря Веронику за плечи)*. Вероника. Я же говорил тебе. Я твой автор, а ты мой персонаж.

ВЕРОНИКА *(Высвобождаясь)*. Что? Ну сколько можно? Нет чтобы сказать: «Вероника, как я рад, что ты вернулась! Я так ждал тебя». Никогда в жизни не признаешься! Даже обидно! Вот почему ты всё время называешь меня персонажем? Я же тебя так не называю. Я признаюсь честно — ты мой главный герой. Почему ты не можешь говорить, что я — твоя главная героиня? Ты стесняешься? Или может быть, ты хочешь сказать, что я просто одна из твоих персонажей? Кроме нас есть еще кто-то? Кто-то главнее меня?

ДИМАСЯ. Вероника... Ты можешь быть абсолютно уверена, что ты мой любимый персонаж.

Вероника смотрит на Димасю, а потом начинает суетиться, оглядывая кафе.

ВЕРОНИКА *(Обнаруживая блокнот и ручку)*. Наконец-то нашла! Так они всё это время были у тебя?

ДИМАСЯ. Разумеется, ведь это мои блокнот и ручка. Правда, ручку я одалживал бабушке, она пыталась тут что-то исправлять, а я... Неважно... В общем, это мой блокнот и моя ручка.

ВЕРОНИКА. Ну да, а я твой персонаж... Интересно, есть ли у слова «персонаж» женская форма? Может быть, я совсем не персонаж, а какая-нибудь персонажиня или даже не знаю...

ДИМАСЯ. Давай оставим это слово как есть.

ВЕРОНИКА. Ладно. Но только если ты ответишь на мой вопрос.

ДИМАСЯ. Какой?

ВЕРОНИКА. Ты правда тогда сидел в кустах или нет?

ДИМАСЯ. Разве это существенно?

ВЕРОНИКА. Меня это беспокоит.

ДИМАСЯ. Не беспокойся, правда.

ВЕРОНИКА *(Через паузу)*. Так это был ты или не ты?

ДИМАСЯ. Вообще-то с учетом обстоятельств это уже не имеет никакого значения.

ВЕРОНИКА. Тогда признавайся, почему Вероника?

ДИМАСЯ. Как будто ты не знаешь.

ВЕРОНИКА. Но я хочу, чтобы ты сам сказал.

ДИМАСЯ. Я и так уже сказал тебе больше, чем нужно было.

ВЕРОНИКА. Почему Вероника?

ДИМАСЯ. Как скажешь. Это анаграмма фразы с латыни. Вероника значит «истинный образ». На самом деле ты — настоящая, понимаешь?

ВЕРОНИКА *(Фыркая)*. Ты прочитал это в Википедии!

ДИМАСЯ. Это правда.

Вероника забирает у Димаси чашку и скрывается в темноте у барной стойки.

ВЕРОНИКА. Так значит у тебя история совсем не движется?

ДИМАСЯ. Нет, ну не то чтобы совсем. Но да, не движется.

ВЕРОНИКА. Хочешь помочь?

ДИМАСЯ. Так ведь будет нечестно!

ВЕРОНИКА. Ничего подобного. *(Выходит к Димасе)*. Давай, садись.

Димася садится за ноутбук, Вероника становится у него за спиной. Вместо того, чтобы смотреть в экран, Димася оглядывается на Веронику. Она разворачивает его назад к экрану, Димася опирается щекой о кулак и всё равно украдкой смотрит на Веронику.

ВЕРОНИКА. Давай, не отвлекайся. Пиши... Ну ты можешь хотя бы сделать вид, что собираешься писать? Не спи! Что? Ты серьезно? *(У Димаси закрыты глаза. Вероника наклоняется к нему)*. Уснул. Совсем как ребенок.

Вероника осторожно гладит Димасю по голове, а затем исчезает в темноте.

Сцена 7

Димася открывает глаза и оборачивается.

ДИМАСЯ. Вероника? *(Вскакивая)* Вероника, ты где? Ты еще здесь? *(Димася уходит в темноту)*. Снова ушла? Но почему? *(Димася возвращается к своему столику)*. Черт, я ведь даже не успел извиниться за прошлый раз. *(Димася садится, придвигает к себе ноутбук и скроллит)*. А не так уж и плохо. Жорик прав, надо действительно просто писать дальше. Может, тогда получится? *(Начинает печатать)*. Точно! Вот так... Видишь? Я и сам неплохо справляюсь...

Звенит колокольчик, слышен удар от распахнувшейся двери, но Димася не обращает на это никакого внимания и продолжает писать. Заходит Вероника, она стремительно идет к Димасе, становится рядом и отвечает ему подзатыльник.

ДИМАСЯ *(Оборачиваясь)*. Ты чего?! Я же совсем не это имел в виду! *(Вероника отвечает ему еще подзатыльник, Димася закрывается от нее руками)*. С ума сошла?! Мы так не договаривались! *(Вероника берет рюкзак Димаси и демонстративно роняет его на пол)*. Ты что делаешь?! Прекрати! *(Вероника раскрывает блокнот и собирается порвать его содержимое)*. Всё! Делит! Я сказал: «делит»! *(Нажимает на клавишу)*.

Свет гаснет и снова зажигается над столиком Димаси. Вероники нет.

ДИМАСЯ *(Шлепая себя по щекам)*. Черт, не то. Еще раз.

Димася принимается печатать. Снова звенит колокольчик, протяжно скрипит дверь, появляется Вероника, но на этот раз она больше похожа на тень. Вероника медленно проходит мимо Димаси и рассеяно останавливается на полдороги спиной к нему.

ДИМАСЯ *(Продолжая печатать)*. Согласись, так гораздо лучше. И давай договоримся, что это больше не повторится. Просто вопиюще, от кого не ждал, так от тебя. Я крайне разочарован, обескуражен, потрясен!.. Ты ведь прекрасно знаешь, почему я начал писать эту книгу. Я думал, хотя бы ты будешь слушать меня. Думал, хотя бы в тебе я буду

уверен... Вероника! Что ты молчишь? Посмотри на меня. *(Вероника не оборачивается, Димася отставляет ноутбук, встает и пытается развернуть ее к себе)*. Вероника, ты плачешь?... Черт, ты что, смеешься? *(Димася трясет Веронику за плечи, она обмякает в его руках)*. Вероника, ты издеваешься? *(Испуганно)* Что с тобой? *(Кивая в сторону ноутбука)* Ты что, из-за этого? Что я сделал... Прости! Прости меня... *(Прижимает Веронику к себе и хочет поцеловать, но она снова ускользает, Димася ловит ее и пытается обнять себя руками Вероники, но она повисает у него на плечах)*. Черт... *(Садит Веронику, она безвольно складывается на стуле)*. Нет, только не такая. Ты должна быть живая. Ты мне нужна живая, слышишь? *(Димася склоняется над ноутбуком)*.

Над столиком снова гаснет и зажигается свет. Вероники нет, Димася ходит по кафе.

ДИМАСЯ. Кажется, я понял... *(Снова подходит к ноутбуку и стоя печатает)*.

Звенит колокольчик, в кафе вваливается толпа галдящих людей, среди них Вероника.

ДИМАСЯ. Ну наконец-то. Привет, Вероника! Познакомишь меня со своими друзьями?

Вероника не обращает на Димасю никакого внимания и продолжает увлеченно общаться со своей компанией, судя по всему ей очень весело. Димася пытается подойти к ней, но толпа оттесняет его назад за перегородку.

ДИМАСЯ. Вероника! Подожди! Черт!.. *(Расстеряно стоит за перегородкой)*. Так вот что будет, когда я закончу книгу? Отлично! Вероника для всех! Ты этого хотела? Да я же именно поэтому и не дописываю! Ведь ты говорила, что есть только мы — ты и я! Вероника!!! Вероника... *(Сухо)* Да пошла ты к черту. *(Подходит к ноутбуку и жмет на клавишу)*.

Свет гаснет и снова зажигается, Димася захлопывает ноутбук, сматывает зарядку, складывает свои вещи в рюкзак, идет к двери, полностью выключает свет и хлопает дверью. Слышно, как в замке поворачивается ключ.

Сцена 8

То же кафе, оно полностью освещено, как и полагается в рабочее время. Рома возится за барной стойкой, заходят и уходят посетители с детьми и без них, кто-то берет кофе на вынос, кто-то заказывает эко-десерты, все предельно счастливы.

Галя сидит за одним из столиков с пивом и без тюрбана, она обложилась со всех сторон папками со счетами и финансовыми отчетами, но это не мешает ей периодически сканировать одиноких и не очень одиноких мужчин, которые заходят в кафе.

Бабушка и Жорик сидят за другим столиком, Жорик складывает цветные кораблики, а Бабушка пытается ему помочь. Как только она берет какой-нибудь из листов бумаги, Жорик отнимает его и перекладывает на свою часть столика, что очень печалит Бабушку.

Алла с тройняшками, которые на этот раз в разных костюмчиках, заняла третий столик, все угощаются мороженым и пьют шейки. Алла беспокойно смотрит на часы и так же беспокойно поочередно утирает каждого из своих детей одной и той же салфеткой.

За перегородкой всё за тем же столиком и на том же стуле сидит Димася. Он подпирает щеку кулаком и смотрит перед собой. Его столик совершенно пустой, если не считать блокнот, в котором Димася ручкой накручивает бессмысленные каракули.

Звенит колокольчик, в кафе заходит Игорь. Он выглядит очень довольным, подходит к Алле и тройняшкам, всех целует, и садится за стол. Игорь делает знак Роме, но тот нарочито отворачивается, Тройняшка №1 идет за перегородку к Димасе.

ТРОЙНЯШКА №1. А можно мне еще молочный шейк? Только другой?

ДИМАСЯ *(Безразлично)*. Ну разумеется можно... *(Щелкает пальцами)* За мой счет. *(Рома с молчаливым возмущением принимается делать шейки)*.

Тройняшки вприпрыжку бегут к барной стойке, Игорь идет за перегородку к Димасе.

ИГОРЬ *(Садясь напротив)*. Ох, чувак, как же я тебе благодарен, ты даже не представляешь! Меня взяли! И даже на более выгодных условиях, чем на предыдущем месте. Спасибо, что подсказал послать им резюме. С понедельника уже на работе. Двадцать второго получаю аванс и сразу же к тебе!

ДИМАСЯ. Не торопись, мне ведь не горит.

ИГОРЬ. А лучше бы горело. Нет, правда, ты бы хоть пить начал! *(Тем временем Галя хватая свои папки, спешит к двери и как будто случайно сталкивается с одним из мужчин, ему приходится уйти из кафе с Галей)*.

ДИМАСЯ. Да я не умею. *(Через паузу)* Ты знаешь, я вот подумал... А может быть смысл в том, чтобы не писать ее?

ИГОРЬ. Книгу?

ДИМАСЯ. Веронику... Вдруг еще сбудется?.. Или нет... Может в этом кармическая цель? Чтобы текст оставался идеалом, который никогда не будет изложен на бумаге?

ИГОРЬ. О-о-о... Чувак, да ты тут не просто засиделся. Ты еще и загоняешься не по-детски. Пора сказать «привет» реальной жизни. *(При этих словах Жорик резко встает и сгребает в охапку кораблики, он направляется к двери, за Жориком спешит Бабушка)*. Заодно и что-нибудь новое начнешь писать.

ДИМАСЯ. Понимаешь, Игорь, просто очень сложно... *(В этот момент Бабушка дергается, но Жорик хватая ее за руку и тащит из кафе, Бабушка не против)*. Просто очень сложно описывать реальную жизнь. Выдумать что-то гораздо проще. Да и оно как-то правдоподобнее обычно получается.

ИГОРЬ. Но ты же не можешь вот так запросто ни на чем выдумать историю, правда? *(Димася тяжело вздыхает, тройняшки у барной стойки залпом выпивают свои шейки, Алла собирает их и подходит к Игорю)*. Я сейчас догоню... *(Дождивается, когда Алла с тройняшками уходит)*. Чувак, давай, хватит уже здесь сидеть. Поднимайся, собирайся и погнались.

РОМА. Кто сегодня закрывает?

ДИМАСЯ. Иди, я закрою.

ИГОРЬ. Нет-нет-нет, сегодня закрою я!

РОМА. Окей. *(Рома снимает фартук, надевает очки, отдает ключи и уходит из кафе)*.

ИГОРЬ. Всё, я делаю заклинительный жест... *(Направляет на Димасю заклинительный жест)*. А ты встаешь и рвешь когти отсюда!

ДИМАСЯ *(Вяло)*. Ладно, идем. *(Они поднимаются и идут к двери, Димася замечает на барной стойке чашку)*. Ну Рома, пройдоха! Никогда последнюю чашку не уберет!

ИГОРЬ. И зачем ты только его удержишь?

ДИМАСЯ. В сущности он хороший парень... Пускай и цыган. *(Берет чашку)*. Что? Латте с лавандовым сиропом? Кто-то заказал и не выпил. Еще горячий. *(Оглядывается)*.

ИГОРЬ. Пошли, не нужно никому твое латте. *(Димася смотрит на чашку)*. Чувак, ну ты скоро?

ДИМАСЯ. А вдруг кто-то вернется?

ИГОРЬ. Это же детское кафе! Кому придет в голову идти сюда на ночь глядя? Пошли.

ДИМАСЯ (*Медленно*). Игорь, знаешь, я тут вспомнил... Ты иди... А я обещал дождаться...

ИГОРЬ. Кого? (*Димася не отвечает, его внимание приковано к чашке*). Уверен? (*Димася кивает, Игорь уходит из кафе*).

Димася бережно ставит чашку на барную стойку и смотрит на дверь. Никто не заходит, колокольчик молчит. Димася что-то рассеянно пытается делать, периодически оборачиваясь на дверь. Никто так и не появляется. В кафе пусто и тихо.

ДИМАСЯ. Ну ладно. Значит я всё-таки пропустил момент. (*Последний раз оглядывается на дверь*). И правда, хватит. (*Начинает собираться*).

Звенит колокольчик, дверь распахивается. Димася поворачивается к двери.

ДИМАСЯ. Вероника?

Свет в кафе медленно гаснет.

ЗАНАВЕС

Минск, 2019

Ксения Шталенкова
Беларусь, Минск 220113
ул. Логойский тракт, д. 10, кв. 64
xenia.shtalenkova@gmail.com
+375296161201 (*Telegram, Viber*)